

Работа – это разновидность невроза. (Дон Херолд)

Алфавейт. – 2002. – апрель. – с. 26–28.

Ольга Волкова – человек парадоксальный. Выросла в актёрской семье, а говорит, что с детства мечтала вовсе не о сцене, а об археологии. И если бы училась в хорошей школе, то как знать... Может быть, мы так бы никогда и не увидели её ни на кого не похожих героинь в кино, в театре, на телевидении. Но, к счастью, всё сложилось так, как было предписано судьбой. За плечами Ольги Волковой работа в Ленинградском ТЮЗе, Театре Комедии и БДТ, куда её пригласил Георгий Товстоногов. Там она работала более двадцати лет и вдруг круто изменила привычное течение жизни – ушла из БДТ, оставила родной город и переехала в Москву.

С актрисой Ольгой Волковой беседует наш корреспондент **Елена ВЛАДИМИРОВА**.

– **Ольга Владимировна, вы, видимо, отчаянный человек. Как вы решились на такое резкое изменение жизни?**

– Мой сын Иван и его жена Чулпан Хаматова заканчивали театральный институт, а в Питере так трудно реализовать себя как актёров, что нужно было им помочь стать москвичами.

– **Значит, вы пошли на это только ради них?**

– И ради себя тоже. В Питере я не знала, что можно работать так много, как я теперь работаю в Москве.

– **Разве вы были мало заняты в театре?**

– Занятость и востребованность – вещи разные. К сожалению, своим странным божественным делом мы зарабатываем деньги. Такого количества антреприз и снимаемых фильмов, как в Москве, в Питере нет. Оказаться здесь – значит иметь возможность работать и держать дом на плаву.

– **И в Москве вам сразу предложили работу?**

– Ещё до переезда в Москву меня приглашал в свой театр Марк Розовский. Мы с ним знакомы давно, но, увидев меня перед собой, он растерялся, стал смотреть свой репертуар, вспомнил, что я не москвичка. Я видела, что пыл его остывает, но все же пришла посмотреть его спектакль, и там, к счастью, встретила режиссёра Лёню Трушкина, которого искала несколько лет. Тут-то и выяснилось, что он тоже меня искал. Трушкин сказал: "Приезжай!" Я приехала и заключила договор. Получила сразу две роли – в замечательном детском мюзикле по Джанни Родари "Волшебная стрела". Наконец-то за много лет я с большим наслаждением натапцевалась и напелась. За один только сезон у Трушкина у меня были четыре премьеры. И пошло-пошло. Теперь я работаю уже в четырёх антрепризах.

– **У вас за плечами работа в замечательных стабильных ленинградских театрах. Неужели вы не ощущаете никакого дискомфорта в антрепризах?**

– Работа в антрепризах и психологически, и творчески меня более чем устраивает. В театре спектакль ставят восемь месяцев, год, а то и больше. Здесь – за сорок два дня. Это очень мобилизует. Кроме того, у меня всё время новые партнёры. Это ответственно, азартно и интересно. Как ни странно, именно в антрепризе очень творческая атмосфера. Люди понимают, что должны отвечать за уровень, поэтому

существуют какие-то закулисные поделки, такова норма поведения. Я же, хоть и выросла в актёрской семье, всё это не очень люблю. Мне становится скучно, возникает ощущение потерянного времени. И это не значит, что я лучше других. Просто я – другая, а этого никогда не прощают. И я ничего не боялась. У меня не было страха перед начальством. Не было трепета и страха ни перед секретарём партбюро, ни перед главным режиссёром. Меня было трудно задавить, потому что у меня никогда не пропадает чувство юмора. Я защищаюсь смехом, а не кулаками, неуставными выражениями или слезами. Это тоже оше-

ломляет. Возникают вопросы: как такое могло выжить? Никто её не опекает, и у неё нет романов, которые всегда на виду. Человек, живущий вне законов того организма, внутри которого он существует, всегда сильно раздражает и вызывает досужие разговоры.

– **Сейчас вся ваша жизнь сосредоточена в театре, или в кино вы тоже снимаетесь?**

– Недавно мы вместе с сыном Ваней снялись в новогоднем фильме, который шёл по РЕН-ТВ. Ваня сыграл главную роль, а я – его бабушку. Двухсерийный фильм мы сняли за 14 дней. Физически это было тяжело, но я до-

Ольга Волкова:
«Я – другая.
А этого
никогда не прощают».

реноме

идёт такая насыщенная и стремительная работа. В БДТ я работала 23 года, до этого пять лет в Театре комедии и 15 лет в ТЮЗе. Я знала своих партнёров наизусть. Один и тот же спектакль иногда играла по двадцать лет. Он уже пуст, высушен до предела, но всё равно идёт. А в антрепризе спектакль, который идёт на спад, тут же снимается, кончает своё существование.

В Питере я не могла даже представить себе, что можно отказаться от работы, которая тебя не увлекает. Никак не предполагала, что у меня будет когда-то возможность выбирать. У меня нет всеядности и того утиного голода, который свойственен многим актёрам. Я не хватаюсь за всё подряд, лишь бы быть на плаву, или ради денег, или просто для того, чтобы быть на сцене. Безусловно, актёр всегда должен быть в форме, надо, как я говорю, не отходить от фонаря, чтобы тебя видели. Но вместе с тем надо уметь рассчитывать творческие и физические силы и не портить своё реноме.

– **Рассказывают, что в театрах, где вы работали, вас боялись за острый, как бритва, язык.**

– Меня не боялись, меня не любили. Меня не понимали, а когда человека не понимают, то его и не любят. Я никогда не была в стаде, хотя вовсе не считаю это хорошим качеством. На самом деле я – человек очень контактный и мобильный, совсем не похожа на гордого одинокого волка, который сидит где-то там на скале и воет. Но мой круг интересов всегда был чуть больше, чем только театр. Я никогда не умирала от желания во что бы то ни стало выйти на сцену, никогда и в мыслях не держала обычную актёрскую поговорку: если не сыграю эту роль, повешусь. В театре всегда су-

